

ВАМПИРЪ
ПОВѢСТЬ
РАЗСКАЗАННАЯ
ЛОРДОМЪ БАЙРОНОМЪ.

МОСКВА.
1828.

В А М П И Р Ъ.

П О В Ъ С Т Ъ.

ВАМПИРЪ.

ПОВѢСТЬ

РАЗСКАЗАННАЯ

ЛОРДОМЪ БАЙРОНОМЪ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ОТРЫВКА ИЗЪ
ОДНОГО НЕДОКОНЧАННАГО СОЧИНЕНІЯ
БАЙРОНА.

(Съ Англійскаго)

П. К.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ С. СЕЛІВАНОВСКАГО.
1828.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чшобы по ошпечатаніи предсшавленны были въ Цензурный комитетъ шри экземпляра. Москва, 1828 года, Окшября 15 дня.
Цензоръ *Владиміръ Измаиловъ*.

Во время своего пребыванія въ Женевѣ, Лордъ Байронъ посѣщалъ иногда домъ Графини Брюсѣ, одной Русской дамы, жившей въ трехъ или четырехъ миляхъ отъ города; и въ одинъ вечеръ, когда общество состояло изъ Лорда Байрона, П. Б. Шелли, Г. Полидори (нѣсколько времени путешествовавшего съ Байрономъ въ качествѣ доктора), и нѣсколькихъ дамъ, — протѣя одно Нѣмецкое сочиненіе подъ названіемъ: Phantasmagoriana, предложили чтобы каждый изъ присутствовавшихъ рассказалъ повѣсть основанную на дѣйствии силъ сверхъестественныхъ; предложеніе было

принято Лордомъ Бѣйрономъ, Г. Полидѣри и одною изѣ дамъ. Когда очередь дошла до Бѣйрона, онъ разсказалъ Вампира. Г. Полидѣри, возвратясь домой, спѣшилъ записать его по памяти, и послѣ издалъ въ свѣтъ.

В А М П И Р Ъ.

Среди разсѣяній, обыкновенно сопровождающихъ Лондонскую зиму, между различными парціями законодательей *тона*, появился одинъ человекъ, болѣе замѣпный по необыкновеннымъ качествамъ, нежели по высокому соспоянію. Онъ равнодушно смотрѣлъ на веселіе его окружавшее, и казалось не могъ его раздѣлять. По видимому, его вниманіе привлекалъ одинъ только звонкій хохотъ красавицы, который мгновенно умолкалъ опъ одного его взгляда, и внезапный спрахъ наполнялъ тогда сердца,

прежде предававшіяся безпечной радоспи. Никто не могъ объяснить причинны эшаго таинственнаго чувства: нѣкоторые приписывали оное его мертвымъ сѣрымъ глазамъ, копорые успремляясь на лице особы, передъ нимъ находящейся, казалось не проходили во глубину, не проникали во внутренность сердца однимъ быспрымъ взглядомъ,—но бросали какой-то свинцовый лучъ, шягопѣвший на поверхности, не имѣя силы проникнуть далѣе. Спранность характера ошкрыла ему входъ во всѣ дома; всѣ его желали видѣть, и шѣ, копорые привыкли къ сильнымъ впечатлѣніямъ, и теперь чувспвовали шягоспъ скуки, радовались имѣя передъ собой предмѣтъ способный привлечь ихъ вниманіе. Не смотря на мертвый цвѣтъ его лица, коего

черты и очеркъ были прекрасны, но которое никогда не разогрѣвалось ни румянцемъ скромности, ни пламенемъ сильныхъ страстей, многія изъ самолюбивыхъ красавицъ старались привлечь его вниманіе, и выиграшь хотя чтонибудь похожее на привязанность. Леди Мёрсеръ, извѣстная слабымъ поведеніемъ со времени замужства, захотѣла разсватать ему сѣщи, и только что не одѣвалась въ арлекинское платьѣ, желая имъ быть замѣченною;—но напрасно:—когда она передъ нимъ стояла, тогда взглядъ его по видимому и обращенъ былъ на ея глаза, но онъ казалось не замѣчалъ ихъ;— даже и ея неуспрашиваемое безстыдство осмалось безъ успѣха: она отказалась отъ своего намѣренія. Не смотря однакоже на то, что женщина извѣстная сла-

бымъ поведеніемъ не могла имѣть вліянія даже и на движеніе глазъ его,—онъ не былъ равнодушенъ къ прекрасному полу. Но такова была оспорожность разговора его съ добродѣтельной женою или невинной дѣвушкой, что не многіе знали говорилъ ли онъ когда нибудь съ женщинами. Онъ славился пріятельностью разговора, и—было ли, краснорѣчіе—сильнѣе, нежели страхъ производимый его страннымъ характеромъ, или видимая его ненависть къ пороку казалась прогашельною — онъ также часпо былъ въ обществѣ женщинъ, по семейнымъ добродѣтелямъ соспавляющихъ украшеніе своего пола, какъ и между тѣми, кошорыя безчестящъ оный своими пороками.

Около того же времени пріѣхалъ въ Лондонъ одинъ молодой чело-

вѣкъ, по имени Обрій: онъ былъ сирота, поперялъ родителей еще во младенчествѣ, и съ единствен- ной сестрою оспался наслѣдникомъ большаго богатства. Оспавленный на полной свободѣ опекунами сво- ими, которые считали долгомъ пе- щиться лишь объ имѣннн, а важнѣй- шія заботы о развитіи его ума предоснавлиали наемникамъ низка- го сословія, — онъ болѣе развивалъ свое воображеніе, нежели разумъ. Такимъ образомъ онъ получилъ вы- сокія, романическія чувства чести и прямотушя, ошъ которыхъ еже- дневно погибають споль многіе молодые люди. Онъ вѣрилъ, что все сочувствуешь съ добродѣтелью, и думалъ, что порокъ брошенъ Про- видѣніемъ на землю единственно для живописной разительности сце- ны, какъ бываетъ въ романахъ;

онъ думалъ, что бѣдность хижинъ соспоишь въ шомъ шолько, что люди одѣваюцца въ плашье споль же шеплое, но по неправильнымъ складкамъ и разноцвѣпнымъ заплапамъ болѣе привлекашельное для глазъ живописца. Словомъ—мечпанія поэшовъ казалисъ ему дѣйспвишельной жизнью. Онъ былъ хорошгъ собою, прямодушень, богатъ, — и пошому многія мащери его окружали когда онъ вспуналъ въ веселья общеспва, и наперерывъ спаралисъ описывашъ ему съ возможно мѣньшей испиною своихъ помныхъ или рѣзвыхъ любвилицъ; а дочери, движенія кошорыхъ оживлялисъ при его приближеніи, и кошхъ глаза блиспали когда онъ начиналъ говорипъ, скоро внушили ему ложное поняпие о его достоинспвѣ и дарованіяхъ. Привыкнуши

къ мечпаніямъ уединенныхъ часовъ, онъ пораженъ былъ, когда увидѣлъ, что въ дѣйствительной жизни ничего нѣтъ похожего на пріятно-разнообразныя картины и описанія встрѣчаемыя въ романахъ, — кромѣ восковыхъ и сальныхъ свѣчей, коихъ прѣпешный свѣтъ происходилъ не отъ появленія привидѣній, но отъ лѣниваго дѣйствія щипцовъ. Находя нѣкоторое вознагражденіе въ удовольствованномъ щещславіи, онъ готовъ уже былъ отказатьсь отъ сновъ своихъ, когда необыкновенное существо, нами выше описанное, съ нимъ встрѣпилось.

Онъ наблюдалъ за нимъ.—Невозможно было понять характеръ человека совершенно въ самага себя погруженнаго, который тѣмъ только показывалъ вліяніе на себя внѣшнихъ предмѣтовъ, что безмолвно

соглашался на существованіе ихъ, избѣгая всякаго съ ними соприкосновенія. И такъ какъ самая сія невозможность дозволяла воображенію Обрія представлять себѣ все, что льстило его наклонности къ необыкновенному, то онъ скоро преобразовалъ это странное существо въ героя романа, и рѣшился разгадывать — болѣе произведеніе своей фантазіи, нежели особу передъ нимъ находящуюся. Онъ познакомился съ нимъ, показывая къ нему вниманіе, и скоро сдѣлалъ такіе успѣхи, что Лордъ Робвенъ всегда замѣчалъ его присутствіе. Онъ поспешенно узналъ, что дѣла Лорда Робвена запущены, и по приготовленіямъ въской улицѣ увидѣлъ, что онъ готовился къ путешествію. Желая разгадать характеръ человека, который до сихъ

поръ только раздражалъ его любопытство, онъ намѣкнулъ опекунамъ своимъ, что ему время уже путешествовать. — Путешествія долго считались необходимыми, для того чтобы молодые люди могли сдѣлать нѣсколько быстрыхъ шаговъ на поприщѣ порока, и тѣмъ приближались къ пожилымъ; имъ не позволялось казаться какъ бы спадшими съ неба, когда дѣло шло о соблазнительныхъ интригахъ, о которыхъ говорили съ насмѣшкой или похвалою, смотря по степени искусства употребленнаго въ исполненіи. Опекуны согласились: Обрій немедленно сообщилъ свои намѣренія Лорду Рѳвену, и удивился, когда онъ предложилъ ѣхать вмѣстѣ. Такой знакъ уваженія, показанной человѣкомъ по видимому ничего не имѣющимъ общаго съ дру-

гими, польспилъ самолюбію Обрїя; онъ съ удовольствіемъ принялъ предложеніе, и по прошествїи не многихъ дней они уже были на твердой землѣ.

До сихъ поръ Обрїй не имѣлъ случая изучающа характеръ Лорда Рѳшвена, и теперь увидѣлъ, что хопя и былъ свидѣтелемъ гораздо большаго числа его дѣйствій, но что самыя дѣйствія совершенно пропнворѣчили видимымъ причинамъ его поведенія. Товарищъ его не зналъ предѣловъ своей щедрости; шунедцы, бродяги и нищїе получали отъ него больше, нежели сколько необходимо было для облегченія ихъ непосредственныхъ нуждъ. Но Обрїй долженъ былъ замѣшнть, что онъ раздавалъ милоспыни не тѣмъ, которыя доведены были до нищепы несчастїями, пре-

слѣдующими и добродѣшель; — онъ опсылалъ ихъ съ полусокрытой улыбкой насмѣшки; когда же приходилъ человекъ развратный и просилъ его помощи, не для облегченія бѣдности, а для удовлетворенія своимъ низкимъ спраснямъ и для того, чѣмбы еще глубже погрязнуть въ безднѣ порока, тогда онъ опускалъ его съ богатымъ подавленіемъ. Обрій приписывалъ это дерзости порочныхъ, копорая обыкновенно болѣе имѣетъ успѣха, нежели робость добродѣшельнаго, угнѣшеннаго бѣдностію. Еще одно обстоятельство сдѣлало сильное впечатлѣніе на умъ Обрія: всѣ шѣ, которыми Лордъ помогалъ, неизбѣжно узнавали, чѣмъ проклятіе соединено съ его помощію; либо оканчивали жизнь на плахѣ, либо упали на низшую степень нищеты и

презрѣнности. Въ Брисселѣ и другихъ городахъ, черезъ копорые они проѣзжали, Обрій съ удивленіемъ видѣлъ, какъ ревностно его поваричъ спарался проникнуть во всѣ скопища пороковъ *большаго свѣта*; тамъ онъ совершенно предавался духу карточныхъ споловъ, держалъ заклады и всегда игралъ счастливо; когда же прошивникомъ его былъ какой нибудь извѣстный карпѣжный воръ, тогда онъ проигрывалъ еще болѣе, нежели выигрывалъ; но лице его всегда сохраняло ту же неподвижность, съ копорой онъ обыкновенно наблюдалъ окружающее общесиво. Оно измѣнялось только при встрѣчѣ съ пылкимъ, неопытнымъ юношею, или опцемъ многочисленнаго семейсва: тогда казалось, что самыя его желанія дѣлались счастью закономъ, равноду-

шіе исчезало, и глаза Лорда Ропивена сверкали какъ глаза кошки, играющей съ полумертвой мышью. Во всякомъ городѣ имъ посѣщенномъ, оспавались юноши, (прежде наслаждавшіеся изобиліемъ), испоргнушые изъ обществъ, ими нѣкогда украшенныхъ, и въ шюреномъ заключеніи проклинающіе судьбу, копорая свела ихъ съ злымъ духомъ; многіе опцы какъ безумные сидѣли среди говорящихъ взоровъ своихъ безмолвныхъ, голодныхъ дѣшей, не имѣя ни копѣйки изъ прежнихъ большихъ богатствъ, будучи не въ состояніи даже облегчить ихъ настоящихъ спрданій. — Онъ никогда не бралъ со спола денегъ, а немедленно проигрывалъ злодѣямъ, уже многихъ раззорившимъ, послѣдній рубль испоргнушій изъ рукъ невиннаго. Эпо

можно было считать слѣдствіемъ нѣкоторой степени искусства, которое не въ силахъ было одержать верхъ надъ хитростью опытныхъ игроковъ. — Обрій часно хопѣль говорилъ съ своимъ другомъ, просилъ его, чтобы онъ отказался отъ своихъ милосынь, отъ удовольствія всѣмъ пагубнаго и для него самаго безполезнаго:—но онъ кладывалъ свое намѣреніе; — каждый день онъ надѣялся, что другъ его подаспъ ему случай говорить откровенно и искренно, и никогда не находилъ сего случая. Во время путешествія, среди разнообразныхъ и дивныхъ зрѣлищъ природы, Лордъ Рѳвенъ былъ всегда одинаковъ. Взоры его говорили еще менѣе, нежели безмолвные уста; и хопя Обрій былъ близокъ къ предмету своего любопытства, но всѣ его уси-

лія оставались безуспѣшны, и онъ щещно спарался раскрыть шайну, кошорая начинала уже предспавлять-ся его разгоряченному воображенію чѣмъ-шо сверхъеспешвеннымъ.

Они скоро прибыли въ Римъ, и Обрій на нѣскольго времени попереялъ изъ виду своего поварища. Лордъ Рѳшвенъ ежедневно посѣщаль упреннее общество одной Ипальянской Графини, между шѣмъ какъ Обрій уходилъ для разысканія древноспей въ другую почти необишаемую часть города. Въ это время изъ Англіи прибыли письма къ Обрію, и онъ съ неперпѣніемъ ихъ распечашаль. Первое было опъ его сеспры, и дышало одной любовью; другія были опъ опекуновъ; послѣднія удивили его. Еще прежде воображеніе ему говорило, что какой-шо злой духъ живешъ въ его

поварищѣ, но эти письма подтвердили его предчувствіе. Опекуны убѣждали его немедленно оставить своего друга, говорили, что онъ погрязъ до низшей степени порока, и что непреодолимая сила обольщенія дѣлаешь его шѣмъ вреднѣе для общества. Открылось, что его презрѣніе къ Леди Мёрсеръ происходило не отъ ненависти къ ея характеру, но отъ того, что онъ хотѣлъ возвысить наслажденіе, низвергнувъ жертву, соучастницу преступленія его, съ высоты чистѣйшей добродѣтели, въ бездонную пропасть позора и презрѣнности. Наконецъ увѣдомляли Обрія, что всѣ тѣ женщины, которыхъ общества Лордъ Рѳвенъ искалъ за ихъ добродѣтель, — послѣ его опъзда сбросили съ себя личину, и не постыдились открытъ передъ

взорами всѣхъ свои пороки въ полномъ ихъ безобразіи.

Обрій рѣшился оставитьъ человека, въ характерѣ котораго не видалъ еще ни одной свѣплой почки, на которой бы взоры могли опдохнуть. Онъ рѣшился найдти какой нибудь благовидный предлогъ для разрыва, и наблюдать за нимъ приспальнѣе, не пропуская ни малѣйшаго обстоятельствова безъ замѣчанія. Онъ познакомился съ обществомъ, которое посѣщаль Лордъ Рѣпвенъ, и скоро увидѣлъ, что онъ хочеть употребить во зло неопытность дочери той дамы, которой домъ онъ чаще другихъ посѣщаль. Въ Ипаліи дѣвушка рѣдко бываетъ въ общество, и пошому Лордъ Рѣпвенъ вынужденъ былъ исполнять свои планы втайнѣ; но зоркій глазъ Обрія вездѣ за нимъ слѣдовалъ, и

скоро открылъ что назначено свиданіе, которое по всѣмъ вѣроятностямъ должно было кончиться погибелью невинной, хотя вѣпреной дѣвушки. Не теряя времени онъ вошелъ къ компану Лорда Рѳвенна, прямо спросилъ о его намѣреніяхъ, и сказалъ, что знаетъ о свиданіи назначенномъ въ ту же самую ночь. Лордъ Рѳвенъ отвѣчалъ, что намѣренія его таковы, какія по его мнѣнію всякой бы имѣлъ при подобномъ случаѣ, и засмѣялся, когда Обрій насмѣшливо спрашивалъ: хочешь ли онъ на ней жениться? — Обрій ушелъ; немедленно написалъ записку къ Лорду Рѳвену, въ которой говорилъ, что уже не хочешь быть его поварихою въ предположенномъ путешествіи, велѣлъ своему слугѣ искать другую квартиру, самъ по-

шелъ къ мапери пойдѣвушки, которую хотѣлъ защищать, и разсказалъ все что зналъ, не только о ея дочери, но и о характерѣ Лорда. Свиданіе предупредили. Лордъ Робвенъ на слѣдующій день прислалъ только своего человѣка, для того чтобы изъяснить полное согласіе на разлуку; но ни малѣйшимъ намѣкомъ не далъ замѣнить, что подозрѣваетъ Обрїя въ разрушеніи своихъ замысловъ.

Оспавя Римъ, Обрїй захотѣлъ видѣть Грецію; и переѣхавъ полуостровъ, скоро прибылъ въ Аѳины. Тамъ онъ оспановился въ домѣ одного Грека, и скоро занялся, читая забытую повѣсть о древней славѣ—на развалинахъ, которыя, какъ бы спыдаясь вѣщать рабамъ о дѣяніяхъ гражданъ свободныхъ, сокрылись подъ землею, или разно-

цвѣпнымъ мохомъ. Въ одномъ домѣ съ нимъ было существо прелестное; живописецъ могъ бы избрать ее моделью, изображая обѣшванную надежду правовѣрныхъ въ Магометовомъ раю; но чувство, сіявшее въ глазахъ ея, опличало ее опъ швореній, лишенныхъ души. Когда она рѣзвилась въ долину, или легкими шагами пробѣгала по оплогой горѣ, тогда газель * казалась бѣднымъ опблескомъ ея прелестней; кто могъ бы промѣнять ея глаза, глаза одушевленной природы, на сонливый и сладострастный взоръ живопнаго, плѣнительный только для сластолюбца? Легкіе шаги Іанѣы часто сопровождали Обрія въ разысканіяхъ древностей,

* *Газелли*, родъ сернь, особенно опличающійся своей красошою.

и часто рѣзвая красавица, гоняясь за мопылькомъ, невольно показывала всю прелесть своего спана, копорый казался лепшль по вѣпру; жадные взоры Обрїа слѣдовали за ней, и шеряясь въ созерцанїи ея очаровашельной красопы, онъ забываль полуизгладившїяся надписи, едва прочпенныя на древнихъ камняхъ. Часпо, когда кудри ея небрежно упадали на плечи, при солнечныхъ лучахъ являлись такїе нѣжныя, блестящїе и быспроизчезающїе оппѣнки, копорые совершенно извиняли забывчивость аншикварїа, когда изъ мыслей его ускользалъ предмѣшь весьма важный для объясненїа темнаго мѣспа въ Павзанїѣ. Но для чего описывать прелести? всѣ ихъ чувспвуютъ, и нишо оцѣнить не можеть. — То была невинность и

красоша , неомраченныя полпами гостинныхъ и удушливными балами. Когда онъ рисоваль памятники древности, о копорыхъ хотѣль сохранишь воспоминаніе для будущей своей жизни,— она любила стоять подлѣ него , и слѣдовашь за магическимъ дѣйствіемъ кисти , изображающей виды ея родины; описывала ему хороводныя пляски на опкрышой ровнинѣ , изображала со всѣми яркими красками младаго воспоминанія , свадебные обряды , копорые видѣла въ дѣшствѣ; потомъ , переходя къ предмѣтамъ очевидно сдѣлавшимъ сильнѣйшее впечатлѣніе на умъ ея , рассказывала всѣ сверхъестественныя сказки , копорыя слыхала опъ своей нянюшки. Она совершенно вѣрила пому , что рассказывала , и рассказывала съ такой важностію , что даже и

Обрій слушалъ ее съ любопытствомъ. Часпо, когда она повпоряла преданіе о живущемъ Вампирѣ—который проводилъ цѣлые годы среди своихъ друзей, среди людей для него драгоценнѣйшихъ, и каждый годъ былъ вынужденъ питаться жизнію прекрасной женщины, для того чтобы продлить свое существованіе на слѣдующіе мѣсяцы,—кровь Обрія холодѣла, хотя онъ дѣлалъ усилія, чтобы смѣяться надъ такими пустыми и ужасными мечтаніями; но Іанеа называла имена шариковъ, которые открыли наконецъ между собою живущаго вампира, когда уже многія изъ ихъ дѣшей и ближнихъ родственниковъ найдены были съ знаками, показывающими, что они ушодили кровавую жажду злаго духа; и когда ей казалось, что Обрій не вѣришь, она

просила, чтобы онъ повѣрилъ ей, потому что было замѣчено, что тѣ, которые осмѣливались сомнѣваться въ ихъ существованіи, всегда видѣли доказательство на опытѣ, и съ разперзаннымъ сердцемъ должны были сознаваться въ истинѣ.—Она подробно повторыла ему преданіе о наружномъ видѣ сихъ чудовищъ, и его ужась увеличился, когда онъ услышалъ довольно вѣрное описаніе Лорда Рѳшвена; онъ продолжалъ увѣрять ее, что не можеть быть истины въ ея страшныхъ сказкахъ, — но въ поже время удивлялся странному спеченію обспоятельствъ, которыя давали причину вѣрить въ сверхъестественную силу Лорда Рѳшвена.

Любовь Обрія къ Іанѣ усиливалась; ея невинность—споль же не-

сходная съ припворной добродѣ-
телью тѣхъ женщинъ , среди ко-
порыхъ онъ искалъ осуществленія
своихъ романическихъ видѣній, —
очаровала его сердце; хотя онъ
смѣялся, воображая молодаго чело-
вѣка воспитаннаго въ Англіи и же-
нашаго на Гречанкѣ необразован-
ной, но все болѣе и болѣе плѣнялся
сущесвомъ, столь близкимъ къ
призраку сновидѣнія. Часто онъ
хотѣлъ ошъ нее опорваться, со-
ставлялъ планы разысканіямъ древ-
ностей, хотѣлъ уѣхать, и рѣшал-
ся не возвращаться прежде дости-
женія цѣли, но всегда ему было не
возможно остановить вниманіе на
развалинахъ его окружающихъ; въ
душѣ его жилъ образъ, которь
казался единственнъмъ законнъмъ
власшпелемъ его мыслей. Іанѳа его
любви не замѣчала; она была тѣмъ

же дѣлски-невиннымъ, довърчивымъ существомъ, какимъ и прежде. Разлука съ нимъ ей всегда была непріятна, но пошому полько, что ей не съ кѣмъ было кромѣ его посѣщать свои любимыя мѣста, когда онъ занимался начерпываньемъ или разкрьпиемъ нѣкоторыхъ обломковъ, еще уцѣлѣвшихъ опъ разрушительной руки времени. Она спрашивала о вампирахъ у своихъ родителей, и всѣ подтвердили ихъ существованіе, поблѣднѣвъ опъ ужаса при одномъ ихъ имени. Вскорѣ послѣ Обрій рѣшился снова отправиться на разысканія, на копоры должно было употребить нѣсколько часовъ. Когда онъ сказалъ названіе мѣста, въ которое хотѣлъ ѣхать, всѣ въ одинъ голосъ просили его не возвращаться ночью, пошому что ему необходимо долж-

но было проѣзжать черезъ извѣстный лѣсъ, въ которомъ ни одинъ Грекъ не согласился оспаться послѣ захожденія солнца. Они говорили, что тамъ сходбище вампировъ во время ихъ ночныхъ оргій, и что величайшія бѣдствія ожидаютъ того, кто осмѣлится съ ними встрѣпиться. Обрій не уважилъ ихъ предостереженіями, и спарался осмѣять ихъ спрахъ; но замѣпилъ, что они содрогаются отъ его насмѣшекъ надъ непреодолимой, адской силою, при одномъ имени которой ихъ кровь холодѣла — и замолчалъ.

На слѣдующее утро Обрій отправился одинъ на разысканія; онъ удивился увидѣвъ печальное лице своего хозяина; ему казалось страннымъ, что насмѣшки надъ спрашными духами могли внушить ему

пакой ужасъ. Когда онъ совершенно уже готовъ былъ къ отъѣзду, Ганеа подошла къ его лошади, и смущенная просила его возвратиться прежде нежели наступитъ ночь, которая даетъ полную свободу дѣйствіямъ сихъ спрашилицъ; — онъ обѣщалъ. Разысканія однакоже такъ завлекли его вниманіе, что онъ не замѣшилъ скорого наступленія ночи, и не видалъ темныхъ облачковъ, которыя въ спрахахъ полуденныхъ быстро собираются въ огромную тучу, и бурей изливаются на землю. Наконецъ онъ сѣлъ на лошадь, и рѣшился послѣдностію вознаградишь пошественное время: но уже было поздно. Сумерки въ полуденныхъ спрахахъ почти не извѣстны; какъ скоро сѣло солнце—уже началась ночь: и прежде нежели онъ успѣлъ далеко

опъхашь, буря заревѣла надъ его головою—громъ гремѣлъ почти не умолкая—часпый и крупный дождь пробивался сквозь вѣтви деревъ, и молнія синей змѣею казалось падала и блещѣла у самыхъ его ногъ. Вдругъ лошадь испугалась, и съ ужасною быстротой понесла его по густому лѣсу. Она остановилась наконецъ опъ успалости, и онъ при блескѣ молній увидѣлъ вблизи хижину, полусокрытую подъ кучею желтыхъ листьевъ и хвороста. Онъ сошелъ съ лошади, и поспѣшилъ шуда, надѣясь найдти проводника до города, или по крайней мѣрѣ защиту опъ бури. Когда онъ приближался, громъ на минушу замолкъ, и онъ услышалъ ужасные вопли женщины, смѣшанные съ глухимъ адскимъ смѣхомъ, и сливающимся въ одинъ, почти не-

прерывный звукъ;—онъ оцѣпенѣлъ. Но пробужденный ударомъ грома, онъ сдѣлалъ внезапное усиленіе, и вломился въ двери хижины. Густой мракъ окружалъ его, но ужасный вопль былъ его пупеводителемъ. Онъ кричалъ—но звуки не умолкали, и никто казалось его не замѣчалъ. Кто-то съ нимъ сполкнулъ—и онъ схватилъ его; тогда закричалъ голосъ: „Опять попался!“ и громкій хохотъ былъ отвѣтомъ. Обрѣй почувствовалъ, что его кто-то схватилъ съ силою необыкновенной, и рѣшился продать свою жизнь дорого; онъ боролся, однако напрасно: онъ былъ поднятъ на воздухъ, и съ ужасной силою брошенъ на землю. — Противникъ бросился на него, спалъ колѣномъ на грудь, и положилъ руки ему на горло. Тогда свѣтъ нѣ-

сколькихъ факеловъ блеснулъ сквозь отверстіе хижины. Противникъ Обрія вскочилъ, оспавилъ добычу, бросился къ двери, и черезъ минуту уже не было слышно шума въпшей, копорья онъ раздѣлялъ въ своемъ бѣгѣ. Буря замолкла; и люди, бывшіе близъ хижины, скоро слышали голосъ Обрія, копорый лежалъ недвижимый. Они взошли; свѣтъ факеловъ упалъ на грязныя стѣны и нечистый соломенный потолокъ. По желанію Обрія они пошли искать шу, копорая привлекла его своимъ крикомъ; онъ опять оспался среди мрака; но каковъ былъ его ужасъ, когда факелы снова освѣпили хижину, внесли бездыханный прупъ,—и онъ увидѣлъ небесныя черпы своей Іанѣы! Онъ закрылъ глаза, надѣясь, что это призракъ распроеннаго воображенія;

но взглянувъ снова, онъ снова увидѣлъ Іанеу, разпростершую близъ него. Блѣдность покрывала ея уста и ланипы; но на лицѣ ея выражалось какое-то спокойствіе, которое казалось почти также привлекательно, какъ жизнь прежде на немъ игравшая:— кровь была на шеѣ и груди ея, а на горлѣ видѣлись знаки зубовъ, разрѣзавшихъ жилу:— всѣ окружающіе указывали на эти знаки, и пораженные внезапнымъ ужасомъ, закричали: „вампиръ, вампиръ!“ Тотчасъ приготовлены были носилки, и Обрія положили рядомъ съ шой, которая недавно еще была для него предметомъ многихъ свѣшлыхъ и очаровательныхъ видѣній, померкшихъ вмѣстѣ съ поблекшимъ цвѣтомъ ея жизни. Мысли его смѣшались — его умъ находился въ оцѣпенѣніи,

казалось избѣгалъ сознанія, и искалъ оправды въ удаленіи всѣхъ мыслей;—онъ почти невольно держалъ въ одной рукѣ обнаженный кинжалъ спранный работы, найденный въ хижинѣ. Они вскорѣ вспрѣшались со многими другими, посланными обыскивать Іанеу, объ которой мать беспокоилась. Ихъ жалобные крики, во время приближенія къ городу, предупредили родителей въ чемъ-то ужасномъ. — Описывать ихъ опчаяніе было бы не возможно; но узнавши причину смерти своей дочери, — они смотрѣли на Обрія, и указывали на пруть. Они были безушны; горесъ свела ихъ въ могилу.

Обрія положили въ постель; онъ былъ въ сильной горячкѣ, и часпо бредилъ; въ бреду онъ произносилъ имена Дорда Рѣшвена и Іанеы—и

по какому-то безопасному соединенію мыслей, казалось, просиль у своего бывшего товарища пощады для существа любимого. Иногда онъ изливаль проклятіе на главу его, и называль его убійцею Іан-еы.—Лордъ Рѳшвенъ погда случайно прїѣхаль въ Аѳины, и—по ка-какимъ бы то ни было причинамъ—узнавши объ состояніи Обрія, немедленно перешель къ нему въ домъ, и началъ постоянно ходишь за нимъ во время болъзни. Когда Обрій пришель въ память, онъ содрогнулся опть ужаса при видѣ того, кошораго образъ теперь соединялся въ немъ съ образомъ вампира; но Лордъ Рѳшвенъ, своими ласковыми словами, изъясляя почти раскаяніе въ шой ошибкѣ, кошорая была причиною ихъ разлуки, а болъе всего вниманіемъ, заботли-

востпью и попеченіями, которыя ему оказывалъ, скоро помирилъ его съ собою. Лордъ казалось совершенно перемѣнился; онъ уже не былъ шѣмъ безчувственнымъ существомъ, которое такъ удивляло Обрїя; но какъ скоро послѣдній началъ быспро выздоравливать, онъ опять поспешенно возвращался въ прежнее состояніе духа, и наконецъ Обрїй опять увидѣлъ въ немъ прежняго; иногда только онъ съ удивленіемъ встрѣчалъ взоръ Лорда внимательнo на него успремленный, и видѣлъ, какъ на устахъ его играла улыбка злобной радости: Обрїй не зналъ почему, но эта улыбка врѣзывалась въ его сердце. Въ послѣднее время выздоровленія больного, замѣшно было, что Лордъ Робвенъ наблюдалъ волны воздымаемыя легкими и прохладными вѣп-

рами на спокойной поверхности водъ, и движеніе планетъ, подобно нашему міру обращающихся вокругъ неподвижнаго солнца; — казалось, онъ желалъ укрыться ошъ всѣхъ взоровъ.

Духъ Обрія былъ сильно попрясенъ; и то эластическое свойство ума, которое нѣкогда оплечало его, казалось навсегда исчезло. Онъ началъ также любить уединеніе и молчаніе, какъ Лордъ Рѳивень; но какъ онъ ни стремился къ уединенію, онъ не могъ найдти его близъ Аѳинъ; когда онъ искалъ его среди развалинъ имъ прежде посѣщаемыхъ, образъ Іанѳы за нимъ слѣдовалъ; — когда онъ углублялся въ лѣсъ, она, казалось, легкими шагами мелькала въ кустахъ и собирала скромныя фіалки..... она внезапно обращала голову, — и разспрошен-

ное воображеніе предспавляло ему ея блѣдное лице, окровавленную шею и шомвую улыбку. — Онъ рѣшился бѣжашь онъ пѣхъ мѣспъ, гдѣ все производило въ душѣ его такія горькія воспоминанія. — Онъ предложилъ Лорду Рóшвену, кошорому считалъ себя обязаннымъ за нѣжныя попеченія оказанныя во время его болѣзни, ѣжашь въ пѣ справны Греціи, гдѣ они оба еще не были. Они путешествовали по всѣмъ направленіямъ, и опыскивали всѣ пѣ мѣспа, съ кошорыми связывались историческія воспоминанія: но хоня они съ поспѣшностію переѣзжали изъ мѣспа въ мѣспо, — наблюдаемые предмѣшы казалось не привлекали ихъ вниманія. — Они много слышали объ разбойникахъ, но поспешенно начали забывашь объ эшихъ извѣспяхъ, думая, что пѣ, кошо-

рые имъ объ нихъ говорили, хопѣли только воспользоваться ихъ щедростію и бысть ихъ защитниками опъ вымышленныхъ опасностей. Такимъ образомъ, не уваживъ предоспереніями, они опправились однажды, взявши съ собою немногихъ изъ жипелей, болѣе для указанія дорогъ, нежели для защиты. Однакоже въ одной узкой щѣсинѣ, — среди копорой находилось русло попока, и копорая была окружена огромными скалами обрушившимися съ ближнихъ горъ — они имѣли причину раскаяваться въ своей небрежности; находясь уже въ щѣсинѣ со всѣми проводниками, они вдругъ ошановились, изумленные свиспомъ пуль, пролетѣвшихъ мимо ихъ ушей, и раздавшимся громомъ нѣсколькихъ ружей. Проводники въ шѣже мгновение о-

спавили ихъ, и скрывшись за скалами, начали спрѣлать шуда, откуда были выстрѣлы. Лордъ Рѳвенъ и Обрїй, слѣдуя примѣру ихъ, также на минупу скрылись въ одномъ изворощѣ пѣсины; но удивившись того, что ихъ удерживаютъ разбойники, слыша оскорбительныя восклицанія, которыми они вызывали ихъ, и предвидя неизбежную гибель, еслибъ одинъ изъ разбойниковъ взлѣзъ на высоту и напалъ на нихъ съ пыла,—они рѣшились броситься впередъ на непріателя. Едва успѣли они оставить за собой скалу ихъ защищавшую, какъ Лордъ Рѳвенъ упалъ раненный пулей въ плечо. Обрїй поспѣшилъ къ нему на помощь; и, забывъ о сраженіи и собственной опасности, изумленъ былъ вдругъ увидя вокругъ себя лица разбойни-

ковъ:—проводники вмѣстѣ съ паденіемъ Лорда Рѳшвена положили оружіе и сдались.

Объщая большую награду, Обрій скоро уговорилъ ихъ опнестн своего раненнаго друга въ одну ближнюю хижину; и условившись въ выкупѣ, они уже не беспокоили его своимъ присущствіемъ—и сперегли только входъ хижины, ожидая возвращенія одного изъ своихъ поварицей съ обѣщенной суммой, на полученіе которой ему дано было приказаніе.—Силы быспро оставляли Лорда Рѳшвена; черезъ два дня сдѣлался антоновъ огонь, и смерть казалось приближалась быспрыми шагами. Его поведеніе и наружность не измѣнились; онъ казалось также безчувственъ былъ къ боли, какъ и ко всемъ предмѣнамъ его окружающимъ; но подѣ-

конецъ послѣднаго вечера, видно было въ немъ замѣтное безпокойство, и глаза его часпо внимательнo успремлялись на Обрїя, который предлагалъ ему свою помощь еще съ большимъ жаромъ нежели прежде. —

— „Помогите мнѣ! вы можете меня спасти—вы можете еще больше—я говорю не о жизни, объ смерти я также мало забочусь, какъ и о вчерашнемъ днѣ; но вы можете спасти честь мою, честь вашего друга.“ — „Какъ же? скажите какъ! я на все готовъ,“ отвѣчалъ Обрїй. — „Мнѣ нужно не многое—жизнь моя быспро оплешаешь—я не могу объяснить всего—но если вы согласитесь скрыть все, что обо мнѣ знаете, моя честь останеся чиста передъ лицомъ свѣща,—еслибы моя смерть

„оспалась на нѣсколько времени въ
 „Англии неизвѣспною — я — я — но
 „жизнь“. . . — „Она будешь не из-
 „вѣспна.“ — „Клянишесь!“ закри-
 чаль умирающій приподнявшись съ
 послѣднимъ усилениемъ, — „клянишесь
 „всѣмъ, что для вашей души свя-
 „щенно, всѣмъ, что для нее ужасно,
 „что въ продолженіи года и одного
 „дня вы ни одному живому суще-
 „ству, никакимъ образомъ, не бу-
 „дете сообщать того, что знаете
 „о моихъ пресупленіяхъ, или мо-
 „ей смерти; что-бы ни случилось,
 „что-бы вы не увидѣли.“ — Напря-
 женные глаза его казалось хотѣли
 вырваться: — „Клянусь“ сказалъ
 Обрій; онъ съ хохомъ упалъ на
 постель свою, и уже не дышалъ.

Обрій ушелъ, желая отдохнуть
 нѣсколько, но заснуть не могъ; всѣ
 обстоятельствова сопровождающія его

знакомство съ Лордомъ, возобновились въ его воображеніи; и онъ не зналъ почему, но при воспоминаніи о данной клятвѣ, холодъ пробѣгалъ по всѣмъ членамъ его; казалось предчувствіе чего-то ужаснаго, его ожидающаго, наполняло сердце. Вспавши рано по утру, онъ кошѣль взоидши въ хижину, гдѣ оставилъ умершаго; но одинъ изъ разбойниковъ съ нимъ встрѣтился, и сказалъ, что шѣла уже памъ нѣтъ; что онъ, съ своими поварищами, когда Обрій ушелъ, опнесъ его на вершину одной изъ ближнихъ горъ, согласно съ обѣщаніемъ даннымъ Лорду, копорый пребовалъ, чтобы его шѣло выложили на первый холодный лучъ луны, копорая взойдетъ послѣ его смерти. Обрій былъ удивленъ, и взявши съ собою нѣсколько чело-

вѣкъ , рѣшился идти къ тому мѣ-
сту, гдѣ положили тѣло , и тамъ
схоронить его. Но взошедши на
вершину горы, онъ не нашелъ слѣ-
довъ ни тѣла, ни одежды ; хотя
разбойники клялись, что споятъ
на той самой скалѣ , на которую
они его положили. Воображеніе
Обрія нѣсколько времени перялось
въ предположеніяхъ , но онъ воз-
вратился наконецъ, увѣрившись что
разбойники зарыли тѣло, желая
воспользоваться одеждою.

Спрана , въ которой онъ пора-
женъ былъ столькими ужасными
несчастіями, гдѣ все казалось было
соединено для усиленія суевѣрной
меланхоліи, овладѣвшей духомъ его,
—наконецъ ему сдѣлалась пятгосп-
на; онъ рѣшился ее оставить , и
скоро прибылъ въ Смирну. Ожидая
корабля, на которомъ долженъ былъ

переправившись въ Отранпо или Неаполь, онъ занялся приведеніемъ въ порядокъ вещей, оставшихся у него послѣ Лорда Робшена. Между прочими вещами былъ одинъ ящикъ съ различнымъ оружіемъ, болѣе или менѣе приспособленнымъ къ вѣрнѣйшему умерщвленію жертвы. Тамъ было много различныхъ кинжаловъ и ашагановъ *. Перебирая ихъ, и разсматривая ихъ странную ошдѣлку, онъ удивленъ былъ, когда нашель одни ножны, копорыхъ оправа показалась ему очень сходна съ оправой кинжала, найденнаго въ ужасной хижинѣ — онъ содрогнулся;—спѣша увѣришься онъ опыскаль кинжалъ, и пуссь вобразяшь его ужась, когда онъ увидѣль чпо ножны, копорья были у

* Ашагавъ, длинный Турецкій кинжалъ.

него въ рукахъ , совершенно приходились къ кинжалу не смотря на необыкновенную форму его. Глаза его казалось не нуждались въ большей увѣренности — они какъ бы прикованы были къ кинжалу; онъ все еще желалъ разувѣриться; но необыкновенная форма, совершенно одинакіе оппѣнки цвѣповъ на рукоятки и ножнахъ, равно блестящіе, не оставляли мѣсна его сомнѣніямъ; кровь была видна и на ножнахъ и на кинжалѣ.

Онъ оставилъ Смирну, и на возвращенномъ пути въ опечеснво, въ Римѣ, его первой заботой было справиться о той дѣвушкѣ, кошую онъ спарался защитиить опъ оболъщенной Лорда Рѳпвена. Ея родители были въ несчастіи и бѣдности, она же — пропала безъ вѣсти съ шѣхъ поръ, какъ Лордъ у-

ѣхалъ. Такіе повпоренные удары почти сокрушили душу Обрія; онъ содрогался при мысли, что эта дѣвушка сдѣлалась жертвою того, кто погубилъ Іанеу. — Онъ спалъ пасмуренъ и молчаливъ; не занимался ни чѣмъ, и только побуждалъ извощиковъ ѣхать скорѣе, какъ-бы спѣша спасти жизнь существа, для него драгоценнаго. Онъ прибылъ въ Калѣ; попушный вѣперъ скоро принесъ его къ берегамъ Англіи; онъ поспѣшилъ къ жилищу предковъ своихъ, и тамъ на время казалось забылъ, въ объятіяхъ любимой сестры, всѣ воспоминанія о прошедшемъ. Если прежде, своими дѣтскими ласками, она пріобрѣла его привязанность, то теперь, когда она уже начинала вспушпаться въ зрѣлый возрастъ, онъ еще сильнѣе любилъ ее какъ друга.

Миссъ Обрій не имѣла тѣхъ блестящихъ прелестей, которыя привлекають взоры и восхищаютъ въ многолюдныхъ собраніяхъ. Въ ней не было того легкаго блеска, который существуетъ только въ душевой атмосферѣ госпоинныхъ, наполненныхъ толпами народа. Изъ ея голубыхъ глазъ никогда не сіяла легкость ума. Но въ нихъ выражалась какая-то очаровательная меланхолія, которая казалось происходила не отъ несчастія, но отъ внутренняго чувства души, знакомой съ міромъ высшимъ и свѣтлымъ. Она не принадлежала къ тѣмъ легкимъ существамъ, которыя готовы летѣть всюду куда привлекаетъ ихъ мотылекъ или блестящій цвѣтъ, — ея поступъ была медленна и задумчива. Когда она была одна, никогда улыбка ра-

доспи не оживляла ея лица, но когда брашь изливаль передь ней свои чувства, и въ ея присушствіи забываль горести разрушившія его спокойствіе, — кно промѣняль бы тогда улыбку ея на улыбку сладострастія? Казалось, ея глаза, ея лице — играли тогда свѣпомъ своей родимой, небесной спороны. — Ей было шолько восемнадцать лѣтъ, и она еще не являлась въ свѣпъ, потому что опекуны ея считали приличнѣйшимъ опложинъ ея предспавленіе до того времени, какъ брашь возвратился съ пвердой земли, и она будепъ имѣть въ немъ защитника. — И такъ шеперь положили, чтобы слѣдующее Собраніе, которому надлежало быть вскорѣ, было эпохою ея появленія въ „большой свѣпъ“. Обрій желаль бы лучше оспаться въ жили-

щѣ предковъ своихъ , и шамъ пишашься меланхоліею , копорая все болѣе и болѣе имъ овладѣвала. Суетныя удовольствія моднаго свѣта не могли занимашь его , когда его душа была такъ расперзана испытанными несчастіями ; но онъ рѣшился пожертвовашь собсвеннымъ влеченіемъ , для сеспры. Они скоро прибыли въ городъ , и гошвились къ слѣдующему дню , въ копорый было объявлено Собраніе.

Народа было чрезвычайно много — Собранія уже не было давно , и всѣ , желавшіе видѣть улыбку Монарха , шуда спѣшили. Обрій былъ шамъ съ сеспрою. Онъ споялъ въ углу , погруженный въ самага себя , не замѣчая ни чего окружающаго , и воспоминаніе возобновляло передъ нимъ по время , когда онъ въ первый разъ увидѣлъ Лорда Рóшвена

на этомъ самомъ мѣстѣ ; — вдругъ онъ почувствовалъ, что его кто-то схватилъ за руку, и голосъ, слишкомъ знакомый, раздался въ его слухъ : — „Не забывайте кляпвы.“ — Онъ едва имѣлъ смѣлостъ оборониться, боялся вспрѣпятъ убійственный взоръ мерзвца, и недалеко отъ себя увидѣлъ то самое лице, которое привлекло его вниманіе на этомъ же самомъ мѣстѣ, во время его перваго вскупленія въ свѣтъ. Онъ не могъ опрратить отъ него зора — покуда силы его оставили ; опершись на одного изъ своихъ друзей, онъ проложилъ себѣ дорогу сквозь толпу, бросился въ свою карету, и былъ опвезенъ домой. Онъ скорыми шагами ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ, закрывъ голову руками ; казалось, онъ боялся, чтобы не

вырвались ужасныя мысли. Лордъ Робвенъ снова передъ нимъ явившійся — кинжалъ — клятва — всѣ эти соединенныя обстоятельствова сильно попрысали его душу. Онъ спарался ободриться, и не хотѣлъ въришь возможности — чтобы мершвые восспавали! — Онъ думалъ, что эшо образъ былъ силой очарованія прикованъ къ его воображенію. Онъ не вѣрилъ, чтобы эшо могло бышь въ дѣйствительности — и рѣшился возвращишь въ общество; онъ спарался спросишь объ Лордѣ Робвенѣ, но имя его замирало на его устахъ, и онъ ничего не могъ узнашь. — Спустия нѣсколько дней, онъ въ одинъ вечеръ поѣхалъ съ сеспрою въ общество своихъ близкихъ родственниковъ. Оспавивъ сеспру подъ покровительствомъ одной замужней женщины,

онъ ушелъ въ опдаленную комна-
шу, и шамъ предался своимъ мучи-
пельнымъ мыслямъ. Замѣшивъ на-
конецъ, что госпи начали разъѣз-
жашься, онъ опомнился, и взошед-
ши въ госпиную, нашель сеспру
свою окруженную большимъ обще-
спвомъ; всѣ казались очень заняты
разговоромъ. Онъ хошѣль подойдши
къ ней ближе, когда одинъ изъ го-
спей, котораго онъ просилъ по-
споронисься, оборонилъ, и онъ
увидѣль чершы, болѣе всего для
него ненависныя. Онъ бросилъ
впередъ, схватилъ сеспру свою за
руку, и быспрыми шагами увелъ
изъ комнашы : въ сѣняхъ оспано-
вила его полна слугъ, которые
ждали господъ своихъ, и покуда
онъ пробивался сквозь полпу,
пошъ же голось прошепшалъ ему
на ухо:— „На забывайше кляшвы!“

—Оборошитесь онъ не имѣлъ духа, но побуждая сеспру къ поспѣшности, онъ скоро пріѣхалъ домой.

Обрій былъ близокъ къ сумасшествію. Если и прежде одинъ предметъ поглощалъ всѣ его чувствованія, но теперь увѣренность въ томъ, что чудовище возвратилось изъ могилы, еще сильнѣе пягопѣла на мысляхъ его. Онъ уже не замѣчалъ ласкъ своей сеспры, и напрасно она просила его объяснить причину его спранныго поведения. Онъ произносилъ только несвязныя слова, которыя приводили ее въ ужасъ. Чѣмъ болѣе онъ думалъ, тѣмъ болѣе смѣшивались его мысли. Клятва его ужасала: — уже ли онъ долженъ былъ равнодушно смотрѣть, какъ это чудовище повсюду несетъ разрушеніе съ дыханіемъ своимъ, живетъ вблизи тѣхъ,

которыя для него всего дороже—и не преяспововашъ его успѣхамъ? Даже и сеспра его могла бытъ въ опасности. Но еслибъ онъ и нарушилъ клятву свою, открылъ свои подозрѣнiя,—кто бы ему повѣрилъ? Онъ думалъ собственною рукою избавить свѣтъ отъ такого изверга—но вспомнилъ, какъ въ его же глазахъ смерть явила надъ нимъ свое безсилie. По цѣлымъ днямъ онъ оспавался въ такомъ состоянiи; не видался ни съ кѣмъ, и принималъ пищу только тогда, когда приходила сеспра, и со слезами его умоляла, хопя для нее сохранялъ жизнь свою. Наконецъ, уже не въ силахъ будучи переносить уединенiе и молчанiе, онъ выбѣгалъ изъ дому, и бродилъ изъ улицы въ улицу, спараясь опогнать отъ себя образъ его перзавшій. Небреж-

носпѣ была видна въ его одеждѣ, и онъ также часпо бродилъ среди знойныхъ лучей полуденнаго солнца, какъ и среди полуночныхъ шумановъ. Узнаспѣ его было не возможно; сначала онъ приходилъ домой съ наспушленіемъ вечера, но наконецъ онъ уже не заботилсѣ объ мѣспѣ; и засыпалъ вездѣ, гдѣ его заспигало изнеможеніе. Сеспра его, заботясѣ объ его безопасности, посылала за нимъ проводниковъ, но они скоро перяли его изъ виду; онъ бѣжалъ опъ быспрѣйшаго изъ преспѣдовашелей, — опъ мысли. Его поведеніе однакоже внезапно перемѣнилось. Пораженный мыслию, что онъ своимъ опсущспвіемъ оспавляеспѣ въ кругу друзей своихъ изверга, присутспвія копораго они и не подозрѣвають, онъ рѣшилсѣ снова вспу-

пишь въ общество, приспально наблюдашь за нимъ, и не взирая на кляпву предосперегашъ всѣхъ, съ кѣмъ онъ будешъ находипсья въ близкихъ сношеніяхъ. Но когда онъ вспупаль въ общество, его дикіе и подозрительные взгляды были такъ разипельны, его внупреннее содроганіе было такъ замѣпно, что сеспра наконецъ принуждена была просипть его, чпобы онъ оспавиль общество, котораго искаль для нее полько, и которое на него такъ сильно дѣйствовало. Видя однакоже, что всѣ убѣжденія были безсильны, опекуны почли за нужное принять свои мѣры, и счипая его сумасшедшимъ, думали, что обязаны снова принять на себя ту должносшь, которая прежде имъ поручена была родипелями Обрїа.

Желая спасти его опъ оскорбленій и спраданій ежедневно вспрѣчаемыхъ имъ на улицахъ, и скрѣпя опъ свѣша пѣ признаки, копорые они считали сумасшествіемъ, они поручили доктору безоплучно жить въ его домѣ, и неусыпно смотрѣть за нимъ. Онъ едва замѣнилъ это; такъ исключительна одна ужасная мысль овладѣла всѣмъ его духомъ. Его забывчивость наконецъ достигла такой степени, что его принуждены были не выпускать изъ комнаты. Тамъ онъ часно проводилъ по цѣлымъ днямъ, неспособный опомниться. Онъ изсохъ какъ скелетъ, впалые глаза его поперяли свой блескъ, — и единственные знаки привязанности и памяти являлись тогда, когда сеспракъ нему приходила; тогда онъ часно вскакивалъ, схватывалъ руки

ея и успремивъ на нее взоръ, ко-
 порый глубоко ее огорчалъ , умо-
 лялъ ее, чшобы она къ нему не
 прикасалась. „О! не прикасайся къ
 „нему — если ты хощя нѣсколько
 „любишь меня, не подходи къ нему
 „близко!“ — Но когда она спраши-
 вала, объ комъ онъ говоритъ, онъ
 отвѣчалъ только: „Правда! правда!“
 и снова впадалъ въ то же состоя-
 ніе, изъ котораго даже и она не
 могла его вывести. Такъ прошло
 нѣсколько мѣсяцовъ: поспешенно
 однакоже, съ прохожденіемъ года,
 припадки забывчивости спанови-
 лись рѣже, и душа его свергала съ
 себя часть своей мрачности ; опе-
 куны замѣтили, что по нѣсколько
 разъ на день онъ считалъ по паль-
 цамъ определенное число , и улы-
 бался.

Роковое время уже почти пропекло, когда въ послѣдній день года, одинъ изъ опекуновъ, взошедши въ комнату, началъ говорить съ его докторомъ, и жалѣлъ, что Обрій находится въ такомъ ужасномъ положеніи, когда сестра его идетъ замужъ. Это внезапно привлекло вниманіе Обрія; онъ поспѣшно спросилъ: за кого? — Такой знакъ возвращающагося разсудка, котораго, какъ они думали онъ лишился, обрадоваль ихъ, и они назвали Герцога Марсденскаго, Думая, что это одинъ молодой Герцогъ, съ которымъ онъ встрѣчался въ обществѣ, Обрій казался былъ обрадованъ, и еще болѣе удивилъ ихъ, объявивъ свое намѣреніе быть на свадьбѣ, и желаніе видѣть сестру. Они не опивѣчали, но черезъ нѣ-

сколько минушь сестра была съ нимъ. Казалось, ея милая улыбка снова начинала прогашь его; онъ прижалъ ее къ груди своей и цѣловалъ въ лице, омоченное слезами, кошорыя лилися изъ ея глазъ, при мысли, что брашъ ея снова ожилъ для чувствъ привязанности. Онъ началъ говорить со всей своей привычной горячностью, и поздравлялъ ее съ женихомъ споль отличнымъ по сану и дарованіямъ; погда онъ вдругъ увидѣлъ медальонъ на ея груди, и каково было его удивленіе, когда разкрывши его, онъ узналъ черпы того чудовища, кошорое такъ долго имѣло вліяніе на его жизнь. Онъ схватилъ порпешъ, и въ припадкѣ бѣшенства топсаль его ногами. Когда она спросила его, за что онъ разбилъ изображение ея жениха, онъ взгля-

нуль на нее, какъ будто ее не понимаетъ — попомъ схватилъ ея руки, и вперивъ на нее взоръ выражающій сумасшесствіе, просилъ ее клясться, что она никогда не будетъ женою такого чудовища, потому что онъ — но продолжалъ онъ не могъ; — ему казалось, что хоть же голосъ напоминаетъ ему кляпву — онъ оборотился, думая, что Лордъ Рѳшвенъ споймъ подлѣ него — но никого не было. Между пѣмъ опекуны и докторъ, которые все слышали, и думали что это новый припадокъ сумасшесствія, взошли, и вырвавъ изъ рукъ его Миссъ Обрій, просили ее выйдти. Онъ упалъ передъ ними на колѣни, и просилъ, умолялъ ихъ, чтобы они хотя на одинъ день опложили свадьбу. Но они, приписывая все

сумасшествію, спарались его успокоить и ушли.

Лордъ Рѣшвенъ, на другой день послѣ собранія, пріѣзжалъ къ Обрію, но не былъ принятъ также какъ и всѣ другіе. Услышавъ о болѣзни Обрія, онъ поспѣхъ понялъ ея причину; но узнавъ, что его считаютъ сумасшедшимъ, онъ едва могъ скрыть свою радость отъ тѣхъ, которые сообщили ему это извѣстіе. Онъ посѣщилъ въ домъ своего прежняго товарища, и частыми посѣщеніями, разказами о своей дружбѣ къ брату и участіи въ его судьбѣ, скоро успѣлъ снискать хорошее мнѣніе Миссъ Обрій. Кто могъ пропившись его могуществу? Онъ рассказывалъ о перенесенныхъ опасностяхъ и трудахъ, — могъ говорить о себѣ какъ о че-

ловѣкъ не имѣющемъ сочувствія ни съ однимъ существомъ на многолюдной землѣ, кромѣ той, съ ко-
порой говорилъ; — могъ увѣряшь, что съ тѣхъ поръ только какъ узналъ ее, онъ началъ дорожить жизнью, хотя бы для того только, чтобы слышать утѣшительные звуки ея голоса; — словомъ, онъ такъ владѣлъ змѣинымъ искусствомъ, или такъ была воля судьбы, что онъ приобрѣлъ ея привязанность. Онъ получилъ наконецъ письмо старшей линіи, и ему поручили важное посольство, которое послужило предлогомъ къ ускоренію свадьбы, не смотря на разсѣроенное положеніе Обрія; свадьба назначена была въ самый день его отъѣзда на твердую землю.

Обрій, когда ушли опекуны и докшоръ, спарался подкупить слугъ, но напрасно. Онъ просилъ перо и бумаги; его желаніе исполнили; онъ написалъ письмо къ сестрѣ, и заклиналъ ее, чтобы она — если дорожинъ своимъ счастьемъ, своей чesпью и чesпью шѣхъ, копорые уже покояшся въ могилѣ, но нѣкогда держали ее въ своихъ объятіяхъ, и видѣли въ ней свою надежду и надежду своего рода — хопя на нѣсколько часовъ опложила свадьбу, копорую онъ осьпалъ самыми тяжкими проклятіями. Слуги обѣщали опдать письмо; но они показали его докшору, а докшоръ думалъ, что лучше уже не нарушашъ спокойствія Миссъ Обрій письмомъ, копорое считалъ бредомъ сумасшедшаго.—Ночь проходила—но ни что въ домѣ не предавался спокой-

спвию; и легче понять нежели описать, съ какимъ ужасомъ Обрй слышалъ звуки дьяпельныхъ пригошвлений. Наспало упро—и онъ услышалъ спукъ карепъ. — Обрй былъ почти сумасшедшй. — Наконецъ любопытство слугъ одержало верхъ надъ ихъ бдипельностью; они поспешенно всъ ушли, оставя его подъ присмотромъ одной слабой женщины. Онъ воспользовался случаемъ; однимъ прыжкомъ вырвался изъ комнаты, и черезъ минуту былъ тамъ, гдѣ уже всъ почти собрались. Лордъ Ропвень первый увидѣлъ его: онъ немедленно къ нему подошелъ, и силой взявши за руку, поспѣшно вывелъ изъ комнаты, поперлъвъ голосъ оцъ бѣшенства. Когда они уже были на лѣспницѣ, Лордъ Ропвень прошепталъ ему на ухо:— „Не за-

„бывайте кляпвы, и знайте, что
 „если сегодня-же ваша сестра не
 „будетъ моей женою, то она о-
 „безчещена. Женщины слабы!“—
 Сказавъ это, онъ бросилъ его къ
 слугамъ, копорые искали его встре-
 воженные женщиной. Обрїи уже
 не могъ держаться на ногахъ; его
 бѣшенство, не могущее выразишь-
 ся, разорвалò кровеносный сосудъ;
 и его опнесли въ постель. Сест-
 рѣ его, копорой не было въ комна-
 тѣ когда онъ взошелъ, ничего не
 сказывали; докторъ боялся ее о-
 горчить. Обрядъ вѣнчанія совер-
 шился, и молодые оставили Лон-
 донъ.

Слабость Обрїи увеличивалась;
 потеря крови произвела признаки
 близкой смерти. Онъ просилъ
 чтобы позвали опекуновъ, и когда

пробило полночь, подробно рассказал все теперь вами чипанное — потчасъ послѣ онъ умеръ.

Опекуны спѣшили защитить Миссъ Обрій; но уже было поздно. Лордъ Рóшвенъ исчезъ, и сеспра Обрія уже ушолла кровавую жажду—*Валпира*.

ПРИМЪЧАНІЕ.

Суевѣріе, на кошоромъ основана эша повѣсть, разпроспранилась по всему почши Восшону. Между Арабами оно весьма обыкновенно: но оно еще не было извѣстно Грекамъ до введенія Хрисціанства, и приняло настоящій видъ свой шолько со времени ошдѣленія Восшочной церкви ошъ Западной:—шогда разпроспранилась мысль, что шѣло человекна исповѣдовавшего Лашинскую вѣру схороненное на землѣ Греческой, не подвержено шлѣнію,—и посшепенно усиливаясь, сдѣлалась предметомъ многихъ чудесныхъ разсказовъ, еще до сихъ поръ сохранившихся: о мершвецахъ возшающихъ изъ могилъ, и пишающихся кровью молодыхъ и прекрасныхъ женщивъ. На Западѣ эшо суевѣріе разпроспранилось сѣ вѣшо-

рыми легкими измѣненіями въ Венгріи, Польшѣ, Австріи, и Лоррэнѣ, гдѣ вѣрили, что вампиры испивающъ ночью извѣстное количество крови изъ своихъ жерщвъ, кошорыя начинаютъ чахнуть, теряющъ силы, и скоро умирающъ отъ истощенія; между шѣмъ какъ кровопійцы толщѣющъ,—и жилы ихъ наконецъ такъ расширяющъ отъ наполненія, что кровь течетъ изъ всѣхъ опвершій шѣла и даже сквозъ поры кожи.

Въ *Лондонскомъ журналѣ* (the London Journal) 1732 года, въ Маршѣ, есть любопытное, и, по обыкновенію, *достоверное* извѣстіе объ одномъ странномъ случаѣ вампиризма, бывшемъ, какъ говорятъ, въ Мадрейгѣ, въ Венгріи. Главный начальникъ эшаго города, какъ сказывающъ, и всѣ чиновники, положительно и единогласно подшвердили: что лѣтъ за пять передъ тѣмъ, слышали отъ одного Гейдука, по имени Арнольда Поля, что въ Кассови, на грани-

цахъ Турецкой Сербіи, его мучилъ вампиръ; но что онъ нашелъ средство избавишься отъ зла имъ причиняемаго, сбѣвши нѣсколько кусковъ земли изъ могилы вампира, и нашершисъ его кровью. Не смотря на эту предосторожность однако же, онъ самъ сдѣлался вампиромъ *; и черезъ двадцать или шридцать дней послѣ его смерти и погребенія, многіе жаловались на то, что онъ мучилъ ихъ, и всѣ подшвердили, что чешыре человека отъ него лишились жизни. Дабы предупредитъ дальнѣйшее зло, всѣ жипели, посовѣтовавшись съ своимъ Гадагни * опрыли шѣло, и нашли, что оно (подшверждая преданіе о вампирахъ) было свѣже, совершенно не испортилось, и что изоршу, ушей и носу шекла чистая и алая

* Вообще думаютъ, что шѣ, кошорыхъ кровь пилъ вампиръ, сами дѣлаются вампирами, и также питаются кровью.

** Гадагни, главный шаршина.

кровь. Удословившись такимъ образомъ, они присупили къ обыкновенному средству противъ вампировъ. Когда вбили колъ прямо въ сердце Арнольда Поля, онъ говорящъ закричалъ такъ ужасно, какъ живой. Попомъ ошрубали ему голову, сожгли шѣло, и пепелъ бросили въ могилу. Тѣ же мѣры были приняты и съ шѣлами другихъ, еще прежде умершихъ отъ вампиризма, для того чшобъ и они также не бродили вампирами.

Эшо извѣстіе рассказано здѣсь для того, что оно можешъ служишь самымъ лучшимъ поясненіемъ для нашего предмета. Въ нѣкошорыхъ чассяхъ Греціи вампиризмъ считающъ нѣкошораго рода наказаніемъ послѣ смерти, за какое либо ужасное пресупленіе во время жизни; и думаящъ, что умершій тогда не шолько осужденъ бышь вампиромъ, но что онъ долженъ обращашъ свои адскія посѣщенія шолько къ шѣмъ существамъ, кошорыя были для него

на землѣ всего дороже — къ шѣмъ , съ кошорыми соединенъ былъ узами родства и любви. — Къ эшому относися одно мѣсто въ „Гяурѣ“.

„Но прежде — обреченный бродить по землѣ вампиромъ , швой шрупъ изшоргнушь будешь изъ могилы ; шы привидѣнiемъ будешь пугашъ свою родину , и пишь кровь своего племени ; шамъ швоя дочь , сестра , жена , будушь въ полночь ушояшь швою кровавую жажду , пошокомъ жизни своей ; но шыгосшна для себя будешь пища , кошорой шы противъ воли долженъ будешь пишашъ свой блѣдный , живой шрупъ. Прежде , нежели жершвы швои испусшашъ дыханiе , онѣ себя узнаюшь ; онѣ будушь проклинашь себя , шы будешь проклинашь ихъ , — и швои цвѣшы поблѣкнушь. Но одна изъ жершвъ , за *твое преступленiе* обреченная смерши , изо всѣхъ прекраснѣшшая , болѣе всѣхъ шобою любимая , будешь себя привѣшшвовашъ именемъ

„отца,—и эшо слово броеншъ пламя въ
 „сердце швое! Ты довершишъ свой
 „ужасный пиръ, и увидишъ какъ исчез-
 „нешъ послѣдній румянецъ съ ея ла-
 „нишъ, какъ пошухнешъ послѣдняя
 „искра жизни въ очахъ ея; увидишъ без-
 „жизненный блескъ ея голубыхъ очей,
 „омраченныхъ смершью. Тогда, пре-
 „супной рукой, шы сорвешъ съ ея чела
 „золотые локоны— изъ копорыхъ бы
 „каждый во время жизни ея былъ дра-
 „цѣннѣйшимъ залогомъ любви — и бу-
 „дешъ носишь ихъ съ собою, какъ па-
 „мятникъ швоего злодѣйства! Твои
 „скрежещущіе зубы и рзверстыя уша
 „будушъ обагрены швоею собшвенной,
 „чистѣйшей кровью. Тогда, спремяся
 „къ мрачной могилѣ, иди — и броди съ
 „*Гулами* и *Афритами*, понуда и они
 „ошпрянушъ съ ужасомъ ошъ чудовища,
 „даже и ихъ превзошедшаго въ злодѣ-
 „яніи.“

Сауши, въ своей прекрасной поэмѣ
 „*Thalaba*“ изображаешъ одну Аравишянку

Онейзу, сдѣлавшуюся вампромъ; она возвращается изъ могилы и мучишь того, кошораго болѣе всего любила въ жизни. Нельзя предположишь однакоже, чшобъ эшо было наказаніемъ за грѣхи ея жизни, пошому чшо она въ продолженіи всей поэмы являешся примѣромъ чистоты и невинности. Досповѣрный Турнфоршъ шакже разсказываетъ въ своихъ пушешествіяхъ многіе удивительные случаи вампиризма, кошорыхъ онъ, какъ говоришь, былъ очевидцемъ; и Кальметъ, въ своемъ проспанномъ сочиненіи объ эшомъ предметѣ, разсказывая множесшво различныхъ анекдотовъ и преданій къ оному относящихся, ученымъ разсужденіемъ доказываетъ, чшо эшо суевѣріе было извѣсно и древнимъ.

Можно бы сказашъ еще множесшво любопытныхъ и занимательныхъ извѣстій объ эшомъ ужасномъ суевѣріи; но шеперь бы они заняли слишкомъ много мѣста, а пошому будемъ доволь-

спововашься уже сказаннымъ, и прибавимъ шолько, что хошя названіе *Вампиръ* болѣе другихъ извѣстно, но ешь однакоже и многія съ нимъ однозначашія, кошорыя въ различныхъ сшранахъ міра упошребляюшся; шакъ на примѣрѣ, *Вампиръ* называешся шакже: *Вруколоха*, *Вардулаха*, *Гулъ*, *Бруколока*, и пр.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ ОДНОГО НЕДОКОНЧАННАГО СОЧИ-
НЕНІА БАЙРОНА.

О Т Р Ы В О К Ъ .

Въ 17 году, рѣшившись посвятивъ нѣсколько времени на обзорнѣе странъ, до сихъ поръ рѣдко посѣщаемыхъ путешественниками, я отправился вмѣстѣ съ однимъ другомъ, котораго назову здѣсь Августомъ Дарвеллемъ.—Онъ былъ немногими годами старѣе меня, происходилъ отъ древней фамиліи, былъ довольно богатъ — и по своему обширному уму вполне цѣнилъ сіи преимущества, хотя и не гордился ими. Нѣкоторыя особенныя обстоятельства его частной жизни сдѣлали его для меня

предмѣтомъ вниманія, любопытства, и даже уваженія; и не смотря на опдающую холодность обхожденія его, ни на порывы безпокойства, которые часто казались въ немъ близкими къ сумасшествію — ничто не могло угасить во мнѣ этихъ чувствъ.

Я еще молодъ былъ въ жизни, которую началъ рано, и еще недавно съ нимъ познакомился королѣ. Мы воспитывались въ одной школѣ и учились въ одномъ Университетѣ; но онъ опередилъ меня своими успѣхами, и былъ уже глубоко посвященъ въ таинства такъ называемаго „большаго свѣта,“ между тѣмъ какъ я еще былъ неопытнымъ начинателемъ. Я много слышалъ о его прошедшей и настоящей жизни, и хотя въ этихъ слухахъ было много несообразныхъ

пропшворѣчій , но изъ суммы ихъ можно было видѣть , что онъ не принадлежшть къ разряду существъ обыкновенныхъ , и не смопря на всѣ его спаранія скрыватьсь , всегда былъ - бы человекомъ замѣпнымъ . Я поспоянно поддерживалъ знакомство и спарался выиграть дружбу его , но послѣдняя казалась недоспшжимма ; каковы бы ни были прежнія спраспш его , но нѣкошорыя изъ нихъ казалось угасли , другія сосредопочились во глубинѣ сердца . Я имѣлъ довольно случаевъ замѣпшть , что чувспва его были сильны ; хотя онъ владѣлъ собою , но совершенно ихъ скршть не могъ ; онъ однакоже шакъ умѣлъ одной спраспш давать видъ другой , что всегда было спрудно угадать , что поспрясаепть его внуспренность , и выраженіе лица его , перемѣнялось

хотя и разителью, но такъ быспро, что его опредѣлить было невозможно. Какое-то неизлѣчимое горе очевидно его мучило; но было ли причиною спраданій его честолюбіе, или любовь, или раскаяніе, или упраша, или все вмѣспѣ, или природная меланхолия, почти болѣзненная—я не могъ узнать: многія явленія говорили въ пользу каждой изъ причинъ, но—какъ я уже сказалъ—всѣ такъ противорѣчили одно другому, что ни на одномъ нельзя было остановиться съ увѣренностію. Гдѣ есть пайна, тамъ обыкновенно предполагаютъ и зло: не знаю, справедливо ли это, но въ немъ безо всякаго сомнѣнія была первая, хотя я никогда не могъ опредѣлить степень послѣдняго, — и привычки его уважать, мнѣ всегда было тяжело вѣрить

что оно въ немъ существуетъ
 Знаки вниманія, мною оказываемые,
 были приняты довольно холодно;
 но я былъ молодъ, и не легко от-
 казывался отъ принятаго намѣре-
 нія; наконецъ мнѣ удалось сблизиться съ нимъ до нѣкоторой степени, и выиграть небольшую довѣренность въ обыкновенныхъ и ежедневныхъ обстоятельствевахъ, которая рождается отъ сходства занятой и частыхъ свиданій, и называется короткимъ знакомствомъ или дружбою—смотря по понятіямъ, какія съ этими словами связываютъ.

Дарвелль уже путешествовалъ много; и я обратился къ нему, прося совѣта для удобнѣйшаго совершенія предположеннаго путешествія. Тайное мое желаніе было уговорить его ѣхать вмѣстѣ: и я

имѣлъ причину надѣяясь, зная его равнодушіе къ предмѣпамъ непосредственно его окружающимъ, и еще прежде замѣтивъ въ немъ какое-то мрачное безпокойство, которое усиливалось при мысли о справахъ опдаленныхъ, видимо оживлявшей духъ его. Сначала я говорилъ намѣками, и наконецъ высказалъ свое желаніе: его опвѣщъ, хотя не совсѣмъ неожиданный, имѣлъ однакоже для меня всю прелесть нечаянности—онъ согласился; и успроивши все нужное, мы опправились. Проѣхавъ многія страны полуденной Европы, мы рѣшились посѣпить Воспокъ, согласно съ предположеннымъ планомъ путешествія, и время, въ которое мы путешествовали по симъ странамъ, ознаменовалось для меня произшествіемъ, которое будетъ глав-

нымъ основаніемъ всего моего разсказа.

Судя по наружности, Дарвель былъ въ ранней молодости сложена необыкновенно крѣпкаго, но съ нѣкопорого времени силы начали его поспешенно ославлять, хотя небыло въ немъ замѣтно никакихъ признаковъ болѣзни: у него не было ни кашля, ни жара, и съ каждымъ днемъ однакоже онъ видимо ослабѣвалъ: онъ велъ жизнь умеренную, не измѣнялся въ наружности и не жаловался на усталость, но силы его видимо угасали: онъ часъ опъ часу дѣлался молчаливѣе, перялъ сонъ, и наконецъ такъ перемѣнился, что я началъ сильно беспокоиться, и чѣмъ болѣе опасность, какъ мнѣ казалось, увеличивалась, тѣмъ болѣе возрастало мое беспокойство.

Прибывши въ Смирну, мы хопѣли посѣпипшь развалины Эфеса и Сардѣ. Видя его разспроенное положеніе, я спарался опговоришь его опъ эпаго намѣренія—но напрасно: казалось, чпд-шо шягошѣло на душѣ его, въ поведеніи его было нѣчто поржеспвенное, и я не могъ поняшь, почему онъ съ спаккой жадносшью спремипся къ поѣздкѣ, въ кошорой я видѣлъ одну шолько цѣль—удовольспвіе, и кошорая могла шолько повредишь больному; но я болѣе не прошивил-ся ему — и черезъ нѣсколькo дней мы опсправились, въ сопровожденіи одного лѣкаря и янычара.

Мы проѣхали половину дороги къ развалинамъ Эфеса, оставили за собой плодоносныя окреспности Смирнскія и выѣзжали уже на заглохшую дорогу, окруженную болошами

и пѣсинами, ведущую къ немногимъ хижинамъ оставшимся среди разрушенныхъ колоннъ храма Діаны—среди голыхъ стѣнъ церкви изгнаннаго Христіанства, и развалинъ оставленныхъ мечешей, еще недавно, но совершенно разрушенныхъ — когда внезапное и быстрое изнеможеніе моего товарища принудило насъ остановиться на одномъ Турецкомъ кладбищѣ, гдѣ только могильные камни украшенные чалмами свидѣтельствовали, что нѣкогда люди обитали въ сей пустынѣ. Единственный каравансерай, который мы видѣли, остался далеко за нами; передъ нами не было слѣда ни города, ни даже хижины, которой бы мы могли надѣясь достигнуть, и селеніе мерпвыхъ, насъ окружавшее, по видимому, было единственнымъ убѣжищемъ представлявшимся мо-

ему несчастному другу, которому казалось судьба назначила быть последним его обитателем.

Въ этомъ положеніи я искалъ глазами мѣста, гдѣ бы ему было можно опдохнуть:— здѣсь не представлялось обыкновеннаго вида Магомешанскихъ кладбищъ, кипарисовъ было мало, и они изрѣдко разсыяны были по всему пространству: могильные камни по большой части заросли и изгладились отъ времени:— Дарвелль облокотился на одинъ изъ самыхъ большихъ камней, находящійся подъ самымъ развѣсистымъ кипарисомъ, — и едва могъ держаться на ногахъ. Онъ просилъ воды. Я сомнѣвался въ возможности найти источникъ, и готовился идти его отыскивать— но онъ просилъ меня остановиться; и обращаясь къ Сулейману, нашему

янычару, который спокойно курилъ подлѣ насъ прубку, сказалъ: *Сулейманъ, вербана су*, (принеси воды) и съ большой подробностью началъ описывать мѣсто, которое находилось опъ насъ около. спа шаговъ вправо, и гдѣ былъ небольшой источникъ для верблюдовъ: янычаръ повиновался. „Какъ вы „знаете это мѣсто?“ спросилъ я у Дарвелля. — „По нашему положенію“ отвѣчалъ онъ; „вы видите, „что это мѣсто было нѣкогда населено, и попому необходимо „долженъ быть источникъ по близости. Къ тому же я былъ здѣсь „и прежде.“

„Вы были здѣсь прежде! — Какъ „же вы никогда объ этомъ не говорили? и что же вы дѣлали „здѣсь, гдѣ можешь остановиться „только одна необходимостъ?“

Мой вопросъ оспался безъ опъша. Между тѣмъ Сулейманъ возвратился съ водою, оспавивъ лѣкаря и лошадей у испочника. Уполеніе жажды казалось на минупу оживило Дарвелля; я получилъ надежду на возможность ѣхать далѣе или по крайней мѣрѣ возвратиться назадъ, и сказалъ ему свое желаніе. Онъ молчалъ—и казалось собиралъ силы, готовясь говорить. Наконецъ онъ сказалъ:

„Здѣсь конецъ моего путешествія, и моей жизни — я пришелъ сюда съ тѣмъ, чшобы умереть; но я еще долженъ сказать вамъ свое желаніе, — требованіе — тако- вы должны быть мои послѣднія слова — исполнили ли вы?“ —

„Не сомнѣвайтесь; но я еще имѣю надежду.“

„Я не имѣю ни надежды, ни желанія; прошу только одного: — ни одно живое существо не должно знать о смерти моей.

„Я надѣюсь что этого не нужно; что вы выздоровѣете. . . .“ —

„Нѣтъ! — такъ должно быть: обѣщайте.“

„Обѣщаю.“

„Клянитесь всѣмъ, что. . . .“ —
Здѣсь онъ сказалъ торжественную клятву.

„Этого не нужно — я и безъ этого исполню ваше желаніе; а сомнѣвайтесь во мнѣ, значитъ —“

„Я не могу иначе, — вы должны клясться.“ Я произнесъ клятву: это казалось облегчило его. Онъ снялъ съ руки перстень на которомъ изображено было нѣсколько арабскихъ буквъ, и подалъ мнѣ.

„Въ девятый день мѣсяца, про-
 „должалъ онъ, ровно въ полдень—
 „какого хопше мѣсяца, но непре-
 „мѣнно въ девятый день — бросьте
 „эпошь перспень въ солёные ис-
 „почники, изливающіеся въ заливъ
 „Элевзинской ; на другой день ,
 „въ пошь-же самый часъ , при-
 „дите къ развалинамъ храма Це-
 „реры и одинъ часъ подождите.“

„Для чего же?“

„Увидите.“

„Въ девятый день мѣсяца ?“

„Въ девятый.“

Когда я замѣнилъ чпо и шеперь
 девятый день мѣсяца, онъ измѣ-
 нился въ лицѣ, и замолчалъ. Когда
 онъ сѣлъ, очевидно ослабѣвъ еще
 болѣе, аистъ съ змѣею во рту
 опустился на одинъ изъ могильныхъ

камней близко къ намъ , и не по-
жирая своей добычи , казалось у-
спремилъ на насъ глаза свои. Не
знаю что побудило меня согнать
его, но мое покушеніе было щещ-
но; онъ сдѣлалъ нѣсколько кру-
говъ на воздухѣ, и возвратился
на то-же самое мѣсто. Дарвель
указалъ на него , улыбнулся , и
сказалъ—незнаю мнѣ ли, или само-
му себѣ—„Хорошо!“

„Что вы хотите сказать?“

„Ничего: сего дня ввечеру схо-
роните меня здѣсь, на томъ са-
момъ мѣстѣ, гдѣ эша птица пе-
перь сидитъ. Прочія желанія мои
вы знаете.“

Потомъ онъ началъ говорить
мнѣ различные способы , какъ

лучше всего скрыть его смерть, и на конецъ воскликнулъ: „Видишь ли эту пшицу?“

„Вижу.“

„И змѣю извивающуюся по рпу ея?“

„Вижу ; шупъ нѣшъ ничего удивительнаго; это ея обыкновенная добыча. Но странно что она её не съѣдаетъ.“

Судорожная улыбка мелькнула на его лицѣ, и онъ сказалъ слабымъ голосомъ: „Еще на время!“ Между тѣмъ аистъ улелѣлъ. Не больше двухъ минутъ я провожалъ его глазами. Я почувствовалъ что пляжесъ Дарвелля увеличивается на плечѣ моемъ, оборотился взглянулъ на его лице, и увидѣлъ что онъ уже умеръ!

Меня поразила его внезапная смерть, въ которой сомнѣваться было не возможно—черезъ нѣсколь-ко минутъ онъ совершенно почти почернѣлъ. Такую скорую пере-мѣну я приписалъ бы яду, если бы не зналъ, что невозможно было опра-вить его впайнѣ отъ меня. Солнце садилось, шѣло поршилось быспро, и намъ оспавалось шолько исполнишь его послѣднюю волю. Съ помощію Сулейманова апагана и моей сабли, мы вырыли могилу на мѣспѣ на-значенномъ Дарвеллемъ: земля, уже заключавшая въ себѣ шрупъ ка-кого-шо Магомешанина, уступала безъ шруда. Мы рыли шакъ глу-боко какъ время намъ позволило, и засыпавъ сухой землею послѣдніе оспашки шайнспвеннаго существа, еще шакъ недавно умершаго, мы

вырѣзали нѣсколько зеленыхъ дер-
нинъ среди поблекшей равнины
насъ. окружающей, и ими прикрыли
могилу.

Пораженный горесцію и уди-
вленіемъ, я немогъ плакать. —

